

© Е.В. КУПЧИК

elwika@list.ru

УДК 821.161.1, 373.612.2

ФИТОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

PHYTOMORPHIC METAPHORS IN REFLECTING THE CONCEPT “WOMAN” IN RUSSIAN POETRY

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются реализации метафорической модели «женщина-растение», объективирующие культурно значимый концепт «женщина». Материалом для исследования служит обширный корпус фрагментов русских поэтических текстов XVIII-XXI веков, в которых рассматриваются компаративные тропы, отражающие представления о женщине как элементе растительного мира. Основаниями традиционных сопоставлений являются признаки красоты, молодости, свежести, нежности, связь с весенним пробуждением природы. Наибольшей частотностью и распространенностью отличаются модели женщина/дева-роза и женщина/дева-лилия. На особенностях внешнего облика базируется уподобление женщин деревьям — с актуализацией тех или иных особенностей семантики соответствующих образов. Наиболее традиционным является образное представление о женщине как эстетическом объекте. В реализациях ряда моделей отражена слабость женщины, необходимость мужчины-опоры для ее полноценного существования. В поэзии XX-XXI веков происходит переосмысление и развитие традиционных моделей, обусловленных как корректировкой традиционных представлений о женщине, так и некоторыми тенденциями развития новой поэзии.

SUMMARY. The article considers the realization of the metaphorical model “woman-plant”, reflecting the culturally significant concept of “woman”. The article is based on a wide corpus of extracts from Russian poetry XVIII-XXI centuries, where comparisons between a woman and a plant are used as figures of speech. The juxtaposition is based on the traditional characteristics of a woman such as beauty, youth, freshness, tenderness, spring renewal. The peculiarities of the outer image are based on comparing a woman with a tree, with certain semantics being actualized. The most traditional, however, is the imaginative representation of a woman as an aesthetic object. These models show a woman’s weakness, the need of a man’s support through life. Poetry of XX-XXI centuries reassesses and develops traditional models, determined by the alteration of the traditional image of a woman, as well as by the tendencies of new poetics movements.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Концепт, метафорическая модель, поэтический текст.

KEY WORDS. Concept, metaphorical model, poetic text.

Концепт *женщина*, являющийся одним из базовых концептов культуры, имеет длительную традицию его образного осмысления. Поскольку концепт «рассеян» в языковых знаках, его объективирующих [1; 10], для его адекватной характеристики необходимо обращение к тому корпусу текстов, в которых проявляет себя данный концепт, — от плодов народного творчества до авторских текстов.

Концепт *женщина*, культурная значимость которого настолько велика, что даже его «фрагменты» оказываются константами русской культуры, — как, например, женщина-мать [2; 823-835], имеет в составе базового (ядерного) компонента представление о лице (категориально-лексическая сема) женского пола, противоположном мужчине (конкретизирующая сема), что фиксируется в толковых словарях. Общее понятие разворачивается и уточняется в нескольких аспектах (женщина-жена, женщина-мать и др.), два из которых — «воплощение определенных качеств» и «противоположность по полу мужчине» — предоставляют носителям языка широкие возможности «для разноаспектной конкретизации качеств женщины» [3; 240]. Активное использование данных возможностей авторами художественных текстов привело к созданию обширного и постоянно пополняемого метафорического арсенала, общее представление о котором дают, например, словари языка поэзии [4], [5].

Существенную часть метафорического пространства рассматриваемого концепта занимают реализации метафорической модели (далее ММ) *женщина-растение*, представленной в ряде частных ММ, среди которых важное место как по частотности, так и по степени укорененности в поэтической традиции занимает ММ *женщина-цветы*. Общим основанием сопоставления женщины с цветами, являющимися универсальными для всех эпох символами природной красоты [6; 175], служит признак внешней привлекательности. В ряде случаев вид цветка не играет роли, значимы лишь общие признаки цветов как таковых: красота, свежесть, нежность, аромат, связь с весенним пробуждением природы. Женщина свежа, как «вешний цвет» (А. Пушкин) «ранний цвет» (С. Норов), чиста, «как первые цветы весны благоуханной» (А. Майков), нежна и мила, как «тихих фиордов цветок» (В. Шершеневич), это «пышный цвет природы» (П. Плетнев), вызывающий восхищение мужчины.

Возвышенность образа женщины в стихах поэтов прошлых лет подчеркивается упоминанием рая как местом произрастания цветка. Например, женщина расцветает, «как цвет Эдема» (Н. Языков), она привлекательна, «как цвет душистый рая» (М. Лермонтов). Место произрастания такого *цветка* зачастую оказывается укромным, скрытым от посторонних глаз, от соблазнов мира, нередко затененным пространством: это, например, тень ветвей, «дубровная сень» (А. Фет), «мрачный терем» (П. Катенин) или гарем, уподобляемый А. Пушкиным темнице и теплице, в которой таятся «аравийские цветы».

Излюбленной образной параллелью для женщины в текстах поэтов разных времен является роза, универсальный символ красоты, любви — как возвышенной (*rosa candida* Данте — цветок непорочной девы Марии), так и вполне земной. Образ розы аккумулирует в себе смыслы, присущие цветам как аналогам женщин. «Дева-роза» (А. Пушкин, Н. Языков, А. Фет, А. Хомяков и др.) обладает эстетическим совершенством: цветет «небесной красотой» (К. Батюшков), «в отменной красоте» (П. Богданович); нежностью «подобно розе нежной» (В. Капнист), свежестью — выглядит «розы утренней свежее» (А. Пушкин). Прилагательное *свежий* издавна отличалось востребованностью в поэтическом дискурсе вследствие возможной актуализации сразу нескольких значений — по крайней мере четырех из шести зафиксированных в толковом словаре [7]: не испортившийся (о цветах); чистый; яркий, не блеклый; не бывший в употреблении. Женщине-розе присуща молодость: прилагательные *молодая*, *юная*

русские поэты используют применительно как к розе, так и к уподобляемой ей девушке, например: «Красавица, как роза молодая» (П. Катенин); «Юная дева, алая роза» (Н. Теплова). Отметим, что в большинстве соответствующих контекстов XVIII-XIX веков речь идет именно о *деве*, а слово *женщина* отличается весьма низкой частотностью. Последнее, возможно, объясняется большей по сравнению с женщиной привлекательностью девы (молодой, незамужней), значительно более поздним появлением слова в русском языке (дева — XI в., женщина — XVI) [8], а также наличием негативной коннотации, присущей, как пишет В.А. Маслова, словам, оканчивающимся на -щина [9; 124]; определенную роль, вероятно, играет и неблагозвучность слова. Аромат цветка служит разным аналогом дыханию, которое может *пить* (А. Пушкин) влюбленный.

Привлекательность девы-розы может оттеняться снегом. Наиболее ярким примером в этом отношении являются известные пушкинские строки: «Но бури севера не страшны русской розе. Как жарко поцелуй пылает на морозе! Как дева русская свежа в пыли снегов!», в которых актуализированы сразу несколько символических признаков алого цветка. Иной образ заснеженной розы представлен в стихотворении И. Северянина: «Точно роза в снегу, ты войдешь, серебрясь». Таким образом происходит обыгрывание запечатленного в традиционной рифме *розы* — *морозы* контраста — отраженного, например, в Некрасовском «Дочь Италии! С русским морозом Трудно ладить полуденным розам» (Н. Некрасов).

В текстах русских поэтов роза как соответствие женщине/деве предстает в теплых, красных или розовых тонах, что обусловлено, по-видимому, не только семантикой именно алой (цвета жизни, любви) розы, но и румянцем как атрибутом молодости, здоровья, красоты — отраженном, например, в образе девушек — «румяных роз» В. Ходасевича. Изменение цвета может быть обусловлено как утратой молодости, так и сердечными переживаниями: «В лице румянца нет следа. В ресницах слезы? Не беда: Бледнеют розы, раскрываясь» (И. Бунин). Белая роза, в отличие от красной, во многих сказаниях и легендах связана со смертью [10; 965]; однако данная символика не находит сколько-нибудь заметного отражения в русской поэзии. Аналогом смерти девы-розы служит гибель самого цветка, сорванного или убитого холодами. Уставшая от жизни, разочарованная, страдающая женщина подобна поблекшей, увядшей или даже «заплеванной» (Шенгели) розе.

Известный романс «Две розы» на стихи Д'Актиля имеет несколько текстовых вариантов, в которых, однако, сохраняется общая направленность соответствующих ассоциаций: если белая роза — «улыбка/невеста/попытка несмелая, свирель безыскусная, то алая — «пряная, бесстыдная/бесстыжая, наглая, пьяная <...> от жизни роскошной/распутной усталая».

В реализациях ММ *женщина-роза* находит отражение и наличие у цветка шипов, отмеченное, например, в пушкинском: «Цветете пышною красой И так же колетесь, Бог с вами».

ММ *женщина-лилия* базируется на представлении о лилии как символе чистоты, невинности, святости, отраженном в ряде однонаправленных сопоставлений, например: «Как лилия, была чиста душою» (В. Жуковский); «...подобная лилее белоснежной, <...> Цвела невинностью близ матери твоей» (К. Батюшков); «Ты — монахиня! Лилия Бога!» (В. Брюсов); «Будешь — думал, чаял — Ты с того утра виднеться, Век в душе качаясь Лилиею, праведница!»

(Б. Пастернак). С цветом лилии ассоциируется цвет лица, красивого в своей бледности: «Графиня Эмилия — блее, чем лилия» (М. Лермонтов); «Хороша и бледна, как лилея...» (И. Панаев). образу лилии не свойственна семантика страсти, в отличие от розы она обладает признаком холодности. «Лилию в вакхической алчбе» (о Тэффи) И. Северянина вряд ли можно расценивать иначе, как поэтический оксюморон.

Сопоставление женщины с другими представителями мира цветов отличаются значительно меньшей частотностью и распространенностью, а также сравнительной «молодостью» традиции, встречаясь главным образом в текстах поэтов XX века и обнаруживая существенную неравномерность распределенности по именам. Наибольшее внимание к реализациям данных моделей отмечено у двух поэтов серебряного века — К. Бальмонта и И. Северянина. К. Бальмонт ввел в русскую поэзию образ женщины-гвоздики — без определенного указания на признак сопоставления — помимо традиционных для большинства цветов ассоциаций с весной, свежестью, любовью, отраженных в контекстах типа «Ты гвоздика апреля и ты майская роза» или «Гвоздика, чье нежно дыханье». Из цветочных образов Бальмонта гвоздика — один из ключевых; она отражает представление о крови — «живой, юной, страстной», а характеристика «Ты гвоздика гвоздик» — высокую оценку любимой женщины. Образ женщины-гвоздики (и подобных гвоздикам губ) повторяется в «Испанских песнях» — с предварительным упоминанием о ней как о любимом цветке испанцев. В качестве образного соответствия женщине Бальмонт упоминает также ромашку, жасмин, белладонну и др. В поэзии И. Северянина аналогами женщины оказываются многочисленные и разнообразные по характеристикам представители мира цветов: анемон, лютик, подснежник, ландыш, фиалка, маргаритка, мимоза, посредством образов которых «портрет» женщины обретает своеобразие.

Определенную оппозицию роскошным розам и лилиям составляют «простые», скромные цветы, например: «Пусть камелия мчится в коляске, Пусть купается в блондах, в шелку <...> Незабудка милей бедняку» (Г. Жулев); «В деревне барышня стыдливо, Как ландыш майский, расцвела, Свежа, застенчива, красива» (Н. Огарев); героиня «Замарашки» К. Бальмонта, робкая и незаметная — «полевая ромашка, Никем не любимый цветок».

Уподобление женщины дереву в русской поэзии базируется на особенностях внешнего облика. Одно из наиболее старых сопоставлений отражено в ММ *женщина-пальма*, фиксирующей красоту, стройность, величавость (Г. Державин, А. Мей, Д. Ознобишин и др.). К данной ММ по основаниям сопоставления приближена ММ *женщина-тополь*, например: «Как тополь киевских высот, Она стройна» (А. Пушкин); «Белая тополь, белая лебедь, Красная панна» (А. Ремизов). Привлекательность женщины, ее «светлость», нежность и стройность запечатлены в традиционном сопоставлении ее с березой. В текстах русских поэтов активно проявляет себя и образ березы — женщины, что свидетельствует об укорененности данного образа в поэтической традиции. Сходству двух красавиц — из человеческого и растительного мира С. Городецкий дает следующую поэтическую мотивировку: «Так нежна, так стройна, так бела — Ведь когда-то березкой была». Ива как символ женской печали также является традиционным образным соответствием, востребованным поэтами и старого, и нового времени. Плакучей ивой предстает женщина «над смерти мчащимся потоком» (В. Хлебников), над могилами (Н. Клюев), над памятью погибших

(А. Ахматова). Красота и молодость — в основе сопоставлений женщины с цветущим деревом — черемухой, яблоней, вишней. В красивом дереве с горькими плодами в русских поэтических текстах, унаследовавших данный образ как соответствие женщине из народной поэзии, воплощено представление о печальной, несчастливой женской судьбе: «Рябиною стала она вянуть и сохнуть» (В. Хлебников); «Обвила калину Лютая змея, Отдана в неволю Девушка твоя» (М. Исаковский).

Гибкость женского стана получила отражение в ММ *женщина-вьющееся растение* — лиана, лоза, повилка, хмель и др. Для реализации данной модели типична ситуация объятий (мужчина предстает в образе дерева), например: «Впивала ты мои лобзанья, Руками гибкими меня во тьме обвив, Надежнее плюща, когда по ветвям ив Он вьется» (И. Крешев). Более общее содержание реализаций данной ММ — обретение женщиной опоры в мужчине. В цветаевском «Все сызнава: что мы в себе не властны, Что нужен дуб — плющу» отражена традиционность мнения о необходимости союза женщины с мужчиной — что представлено, например, в стихах Г. Державина на брак графини Литы: «Иль винограда ветвь младая, Когда подпоры лишена, Поблекнет, долу упадая, Но, ветерком оживлена, Вкруг стебля нового средь лета, Обвившись листьями, встает, Цветет и, солнцем обогрета, Румянцем взоры всех влечет: Так ты в женах, о милый ангел».

Поиски женщиной опоры-мужчины отражена в таких парных фитоморфных метафорах, как дева-роза и воин-лавр, укрывающий цветок от палящих лучей (Н. Львов); женщина-лист и мужчина, подобный ветви, к которой в предчувствии бури прижимается листок (М. Лермонтов) и т.д. В текстах разных поэтов встречается образ одинокой женщины — склоненной к земле цветку, травинке или дереву, страдающим от ветра, дождя, холода.

Анализ реализации ММ *женщина-растение* позволяет выявить некоторые признаки концепта *женщина*. В традиционных поэтических метафорах и сравнениях женщина отличается, как правило, физической привлекательностью (данный признак актуализирован практически во всех частных ММ). Эстетический признак дополняется другими: это молодость, свежесть, невинность, некоторые особенности настроения и характера, иногда — страстность, а также слабость. Большинство данных фитоморфных метафор вовлечено в сферу обслуживания сферы чувственных, любовных отношений. Проявление сходных признаков обнаруживает себя в реализациях ММ и с другими объектами сопоставления: это, например, женщина — представитель животного мира (лебедь, голубка, ласточка, лань, бабочка), божественное существо (богиня, ангел), светило (солнце, луна, звезда), плод (яблоко, персик, ягода), еда и напитки (шоколадка, шербет, мед, вино), драгоценное (жемчужина, сапфир, алмаз) и др. О традиционности ряда таких параллелей свидетельствует включение их в словари сравнений, фиксирующих, например, сопоставление женщины с розой (розаном), лилией, ягодой и др. [11], [12].

Вышеназванные характеристики женщины типичны не только для поэтических текстов и бытуют не только в русской традиции. Например, исследование признака концепта *женщина* на материале английской фразеологии привело О.Ю. Шишигину к выводу, что подавляющее большинство выявленных признаков отражает «потребительское отношение к женщине как к объекту эстетического наслаждения или сексуального удовлетворения» [13].

Поэзия XX-XXI вв. переосмысляет и развивает традиционные модели, в реализациях которых появляются, например, названия без древнего образного ореола (вербена, астра), иногда огрубленные, депоэтизированные, например: «Да здравствуют бабы, торговки салатом, под стать баобабам в четыре обхвата (А. Вознесенский), что можно квалифицировать в качестве проявления такой важной особенности развития образности в новой поэзии, как *снижение высокого* — в том числе и в русле более общего процесса «конкретизации и дробления ассоциаций» [14]. Кроме того, традиционные модели получают обновленное содержание вследствие выявления поэтами новых признаков сопоставления. Например, женщина в текстах А. Вознесенского уподобляется дереву по признакам иным, нежели красота, стройность и т. д., например: «Или взрослые женщины в гневе, Разбранившись без обиняков, Вырастали в дверях, как деревья»: «Тебя стерегут, как яблоню В период плодоношенья». В стихотворении Ю. Мориц женщина-ветка не ищет защиты, а сама дает ее — своему внуку: «А она живет при нем, Меньшится воочью, Словно ветка над огнем». Содержание реализаций ММ позволяет говорить и об известной корректировке образа женщины в новой поэзии, что проявляется, например, в ослаблении значимости признаков женской слабости, зависимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: КемГУ. 2004. 386 с.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект. 2004. 992 с.
3. Шапилова Н.И. Ассоциативно-семантическое поле как основа реконструкции содержания концепта (на материале поэтической речи Н. Гумилева) // Мир человека и мир языка. Кемерово: КемГУ. 2003. С. 237-243.
4. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов. В 2-х т. Т. 1. М: Эдиториал УРСС. 1999. 848 с.
5. Иванова Н.Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца 18 — начала 20 в.) М.: Издательство АСТ, 2004. 666 с.
6. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. 340 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 24-е изд-е. М.: Оникс, 2010. 640 с.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. Т.1. М.: Русский язык, 2002. 624 с.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учеб. пособие для студ. высш. уч. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
10. Истомина Н.А. Энциклопедический словарь символов. М.: Издательство АСТ, 2003. 1056 с.
11. Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. М.: Издательство АСТ, 2004. 285 с.
12. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. СПб: Норинт, 2003. 603 с.
13. Шишигина О.Ю. Когнитивные модели представления концепта «женщина» в английской фразеологии // Новое в когнитивной лингвистике. М-лы Междунар. науч. конф. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике». Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ. 2006. С. 804-810.
14. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. 263 с.

REFERENCES

1. Pimenova, M.V. *Dusha i duh: osobennosti konceptualizacii* [Soul and spirit: features of conceptualization]. Kemerovo, 2004. 386 p. (in Russian).
2. Stepanov, Ju.S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of the Russian culture]. Moscow, 2004. 992 p. (in Russian).
3. Shapilova, N.I. The associative semantic field as a basis for reconstruction of the concept content (based on the poetic speech of N. Gumilev) // *Mir cheloveka i mir jazyka*. [The world and the world of human language]. Kemerovo. 2003. Pp. 237-243. (in Russian).
4. Pavlovich, N.V. *Slovar' poeticheskikh obrazov. V 2-h t. T. 1.* [Dictionary of poetic images. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, 1999. 848 p. (in Russian).
5. Ivanova, N.N. *Slovar' jazyka poezii (obraznyj arsenal russkoj liriki konca 18 — nachala 20 v.)* [Dictionary of poetic language (Russian arsenal shaped lyricism late 18th — early 20th century)]. Moscow, 2004. 666 p. (in Russian).
6. *Konceptosfera russkogo jazyka: ključevye koncepty i ih reprezentacii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii)* [The conceptosphere of the Russian language: key concepts and their representation (based on the vocabulary, phraseology and paremiology)]. / Ed. by L.G. Babenko. Ekaterinburg, 2010. 340 p. (in Russian).
7. Ozhegov, S.I. *Slovar' russkogo jazyka. 24-e izd-e* [Russian dictionary. 24 ed.]. Moscow, 2010. 640 p. (in Russian).
8. Chernyh, P.Ja. *Istoriko-jetimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka: V 2-h tt. T. 1.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian: In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, 2002. 624 p. (in Russian).
9. Maslova, V.A. *Lingvokul'turologija. Učeb. posobie dlja stud. vyssh. uč. zavedenij* [Cultural linguistics. Manual for higher education students]. Moscow, 2001. 208 p. (in Russian).
10. Istomina, N.A. *Jenciklopedičeskij slovar' simvolov* [Encyclopedic Dictionary characters]. Moscow, 2003. 1056 p. (in Russian).
11. Gorbachevich, K.S. *Slovar' sravnenij i sravnitel'nyh oborotov v russskom jazyke* [Dictionary of comparisons and comparative expressions in the Russian language]. Moscow, 2004. 285 p. (in Russian).
12. Mokienko, V.M. *Slovar' sravnenij russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language comparisons]. St-Petersburg, 2003. 603 p. (in Russian).
13. Shishigina, O.Ju. Cognitive models representing the concept «woman» in the English phraseology [Kognitivnye modeli predstavlenija koncepta «zhenshhina» v anglijskoj frazeologii]. *Novoe v kognitivnoj lingvistike. M-ly Mezhdunar. nauch. konf. «Izmenjajushhasja Rossija: novye paradigmy i novye reshenija v lingvistike»* (New in cognitive linguistics. International scientific conference «Changing Russia: new paradigms and new solutions in linguistics») / Ed. by M.V. Pimenov. Kemerovo, 2006. Pp. 804-810. (in Russian).
14. *Očerki istorii jazyka russkoj poezii XX veka. Obraznye sredstva poetičeskogo jazyka i ih transformacija* [Essays on the history of the Russian poetry of the twentieth century. Figures of speech of poetic language and their transformation]. Moscow: Nauka, 1995. 263 p. (in Russian).

Автор публикации

Купчик Елена Викторовна — профессор кафедры русского языка Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, доктор филологических наук

Author of the publication

Elena V. Kupchik — Dr. Philol. Sci., Associate Professor, Department of Russian Language, Institute for Philology and Journalism, Tyumen State University